

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ
ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК» (ЮНЦ РАН)**

Научный журнал
КАЗАКОВЕДЕНИЕ
(16+)

Сетевое издание

**Том 1, № 2
2025**

Основан в 2024 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Матишов Геннадий Григорьевич, академик РАН

Редакционная коллегия:

Баранов Андрей Владимирович, д.и.н. (Краснодар)
Бритвин Николай Николаевич, общественный деятель, генерал-полковник (Ростов-на-Дону)
Венков Андрей Вадимович, д.и.н. (заместитель главного редактора) (Ростов-на-Дону)
Волвенко Алексей Александрович, к.и.н. (Таганрог)
Колесников Владимир Александрович, к.и.н. (Ставрополь)
Колесникова Марина Евгеньевна, д.и.н. (Ставрополь)
Лукьяшко Сергей Иванович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Малов Александр Витальевич, к.и.н. (Москва)
Матвеев Олег Владимирович, д.и.н. (Краснодар)
Матвеева Наталья Сергеевна, к.и.н. (Москва)
Мининков Николай Александрович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Очиров Уташ Борисович, д.и.н. (Элиста)
Панкова-Козочкина Татьяна Викторовна, д.и.н. (Новочеркасск)
Ратушняк Олег Валерьевич, д.и.н. (Краснодар)
Рвачева Ольга Владимировна, д.и.н. (Волгоград)
Рыблова Марина Александровна, д.и.н. (Волгоград)
Сень Дмитрий Владимирович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Скорик Александр Павлович, д.и.н., д.филос.н. (Новочеркасск)
Тюменцев Игорь Олегович, д.и.н. (Волгоград)
Худобородов Александр Леонидович, д.и.н. (Оренбург)
Шадрина Алла Валерьевна, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Яровой Андрей Викторович, д.филос.н., к.соц.н. (Зерноград)
Бевза Татьяна Гарриевна (ответственный секретарь) (Ростов-на-Дону)

Утвержден ученым советом ЮНЦ РАН

Издание осуществляется при поддержке ЮНЦ РАН (Ростов-на-Дону)

Сетевое издание «Научный журнал «Казакоеведение»»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-88811 от 02 декабря 2024 г.

Адрес редакции: 344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41; e-mail: kazak@ssc-ras.ru
Адрес сайта: <http://kazak.ssc-ras.ru>

© ЮНЦ РАН, 2025

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
“FEDERAL RESEARCH CENTRE SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES” (SSC RAS)

Scientific journal

KAZAKOVEDENIE

(16+)

Online Media

Volume 1, No. 2
2025

First published in 2024
There are 4 issues a year

Editor-in-Chief:

Matishov Gennadij Grigor'evich, D.Sc. (Geography), the academician of RAS

Editorial Board:

Baranov Andrej Vladimirovich, Dr (History) (Krasnodar, Russia)
Britvin Nikolaj Nikolaevich, Public figure, Colonel-General (Rostov-on-Don)
Venkov Andrej Vadimovich, Dr (History), Editor (Rostov-on-Don, Russia)
Volvenko Aleksej Aleksandrovich, PhD (History) (Taganrog, Russia)
Kolesnikov Vladimir Aleksandrovich, PhD (History) (Stavropol', Russia)
Kolesnikova Marina Evgen'evna, Dr (History) (Stavropol', Russia)
Luk'yashko Sergej Ivanovich, Dr (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Malov Aleksandr Vital'evich, PhD (History) (Moscow, Russia)
Matveev Oleg Vladimirovich, Dr (History) (Krasnodar, Russia)
Matveeva Natal'ya Sergeevna, PhD (History) (Moscow, Russia)
Mininkov Nikolaj Aleksandrovich, Dr (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Ochirov Utash Borisovich, Dr (History) (Elista, Russia)
Pankova-Kozochkina Tat'yana Viktorovna, Dr (History) (Novocherkassk, Russia)
Ratushnyak Oleg Valer'evich, Dr (History) (Krasnodar, Russia)
Rvacheva Ol'ga Vladimirovna, Dr (History) (Volgograd, Russia)
Ryblova Marina Aleksandrovna, Dr (History) (Volgograd, Russia)
Sen' Dmitrij Vladimirovich, Dr (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Skorik Aleksandr Pavlovich, Dr (History), Dr (Philosophy) (Novocherkassk, Russia)
Tyumencev Igor' Olegovich, Dr (History) (Volgograd, Russia)
Hudoborodov Aleksandr Leonidovich, Dr (History) (Orenburg, Russia)
Shadrina Alla Valer'evna, Dr (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Yarovoj Andrej Viktorovich, Dr (Philosophy), PhD (Sociology) (Zernograd, Russia)
Bevza Tat'yana Garrievna, Assistant Editor (Rostov-on-Don, Russia)

Editorial Office: 41 Chekhov ave., Rostov-on-Don, 344006; e-mail: kazak@ssc-ras.ru
URL: <http://en.kazak.ssc-ras.ru>

© SSC RAS, 2025

ОТЗЫВЫ

УДК 94(470.6)»1855/1939»

О ЧЕРЕДЕ МОДЕРНИЗАЦИЙ В КАЗАЧЬЕМ РЕГИОНЕ (к выходу новой монографии Р.Г. Тикиджьяна)

© 2025 г. А.П. Скорик

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова
(Новочеркасск, Россия)

Аннотация. В статье на основе историографического анализа и рецензирования недавно вышедшей из печати монографии кандидата исторических наук, доцента Донского государственного технического университета Руслана Геннадьевича Тикиджьяна раскрывается текущее состояние историографии истории донского казачества на протяжении двух столетий, начиная с середины XIX в. и заканчивая рубежом 1939 г., но в целом ряде случаев историописание выходит за указанные хронологические рамки. В результате формируется проблемно-историческое поле для ведения дискуссий коллег-историков, профессионального диалога по наиболее актуальным для исследователей темам казаковедческого характера с опорой на многочисленные историографические факты и многообразные конкретно-исторические материалы, позиционируемые автором рецензируемой монографии.

Ключевые слова: дискуссия, исследования, историки, историография, казаковедение, научные перспективы, тенденции познания, точки зрения.

ON THE SERIES OF MODERNIZATIONS IN THE COSSACK REGION (to the publication of a new monograph by R.G. Tikijyan)

A.P. Skorik

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Abstract. The article, based on a historiographical analysis and review of a recently published monograph by Ruslan Gennadievich Tikijyan, Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Don State Technical University, reveals the current state of historiography of the history of the Don Cossacks for two centuries, starting from the middle of the XIX century and ending with the turn of 1939, but in a number of cases the historiography goes beyond the specified chronological framework. As a result, a problem-historical field is being formed for discussions among fellow historians, for professional dialogue on the most relevant topics of a Cossack nature for researchers, based on numerous historiographical facts and diverse concrete historical materials positioned by the author of the reviewed monograph.

Keywords: discussion, research, historians, historiography, Cossack studies, scientific perspectives, cognitive trends, points of view.

За последние годы значительно возрос в научной среде и широких слоях российского общества неподдельный интерес к изучению истории и культуры казачества. Это настоятельно требует разработки наиболее сложных сюжетов в историографии проблемы, к числу которых, безусловно, относится социальная дискуссионная панель казачество *vs/сop* крестьянство, причем неизменно актуализирующаяся на изломе исторических эпох.

В издательстве Донского государственного технического университета в марте 2024 г. вышла приличным тиражом 500 экземпляров фундаментальная монография

известного донского историка-казаковеда Р.Г. Тикиджьяна [1], вполне отвечающая сциентистско-методическим требованиям к работам такого рода и посвященная наиболее сложному и переломному периоду в истории российского государства, роли и статусу донского казачества и крестьянства в многообразных процессах второй половины XIX – первой половины XX столетий, их месту в политической, экономической и социокультурной жизни Российской империи и новой Советской России – СССР.

Автором характеризуются причины и последствия участия донского казачества и крестьянства в осуществлении буржуазно-либеральных реформ, в последующем развитии и преодолении социально-политических кризисов; даются интерпретации влияния взаимоотношений двух обозначенных акторов на итоги сразу трех русских революций начала XX в.; раскрывается их конфликтологическое противостояние в Гражданской войне; показывается трансформация взаимодействия указанных сословий с советской властью в период строительства раннего социалистического общества и превращения их в течение периода 1920-х – 1930-х гг. в одну из составных частей постклассовой консолидации квазимонолитного советского народа. При всей дискуссионности отдельных положений монографического сочинения мы реально имеем дело с самостоятельным, завершенным и достойным внимания профессионального научного сообщества историков-казаковедов и широкого круга любителей истории исследованием, обладающим познавательным значением и контекстом, выходящим далеко за рамки регионально-краеведческого фолианта. Именно в этом заключается его главное научно-публикационное достоинство при выходе в свет, и оно, несомненно, становится знаковым историографическим фактом, который, в свою очередь, выступает основной **целью изучения в настоящей статье**, переходящей в своем содержании за известные научно-методические рамки традиционной журнальной рецензии и обусловленной своим написанием современной историографической ситуацией в историческом казаковедении.

Концептуальный замысел автора заключается в рассмотрении двух модернизационных периодов (позднеимперского и раннесоветского) в истории нашей страны с использованием испытанного многократно в российской историографии сравнительно-исторического (компаративного) метода, когда в центре исследовательского внимания оказываются три знаковых исторических сюжета:

- 1) осуществление в донском регионе Великих реформ императора Александра II и ситуация пореформенного времени;
- 2) переживание жесткого перелома исторических эпох: позднемонархической и раннесоциалистической;
- 3) реализация коллизий советского эксперимента.

В качестве исходного конкретно-исторического материала и базиса теоретических интерпретаций для историка-казаковеда служит фактологический контент из истории донского казачества и крестьянства, рассмотренный на достаточно продолжительном хронологическом отрезке с 1855 по 1939 г. Замысел раскрывается автором в опубликованной монографии, структурно-логически поделенной на четыре главы и снабженной обстоятельным научно-справочным аппаратом.

В предисловии, где после абзаца посвящения Учителям в науке и авторских благодарностей объемом полторы страницы (куда включены и добрые слова в наш адрес), объясняется оригинальный замысел монографического произведения: «Работа посвящена историографической оценке дискуссионных вопросов о проис-

хождении, становлении и трансформации донских казаков в период с конца XV до первой половины XX в. В конкретно-историческом плане охвачены хронологические рамки с 1855 по 1940 г. (имперский период 1855–1917 гг. и советский период 1917–1922, 1922–1939 гг.). Исследуются основные этносоциальные сообщества, страты и категории донского казачества, коренного крестьянства Области Войска Донского и Приазовья, иногороднего и рабочего населения Донского края, их сложные взаимоотношения с казаками» (с. 4).

Хронотопические рамки монографического исследования обозначены с учетом многократного перекраивания имперскими и советскими властями административно-территориальных границ на Юге России. Как подчеркивает Р.Г. Тикиджьян, «исследование географически включает субрегион Дона и Приазовья, территории исторической Области Войска Донского (1870–1918 гг.), Донских округов (1920–1936 гг.), территории современных Ростовской и части Волгоградской (Сталинградской) областей Юга России (с 1937 г.), входящих с мая 2000 г. в структуру Южного федерального округа РФ» (с. 4).

Теоретическая оригинальность работы в понимании донского историка-казачоведа обозначена в трех емких предложениях: «Представлен авторский анализ современных проблем историографии, теории и истории казачества и неказачьего населения Юга России, дана интерпретация имеющихся и вновь опубликованных архивных источников за последние 10–15 лет. В обобщенном виде раскрываются актуальные, спорные и дискуссионные теоретические и прикладные проблемы изучения этно- и социогенеза донского казачества XV – первой половины XX в.; проблемы военно-политических, социокультурных и экономических трансформаций казачества и неказачьего населения XIX–XX вв. Автор исследует и обобщает политико-правовую, социально-экономическую, этносоциальную и социокультурную характеристику донского казачества в пореформенный период истории 1860–1890-х гг. и в начале XX в. в Области Войска Донского и на Юге России» (с. 4–5).

Монография подводит черту более чем 25-летним научным изысканиям Р.Г. Тикиджьяна в рамках заявленной проблематики, поэтому автор ссылается на изучение «более 1000 научных и научно-популярных работ и статей, мемуаров и воспоминаний участников событий тех лет, более 100 докторских и кандидатских диссертаций» (с. 6), но в прилагаемом библиографическом списке приводится 389 печатных изданий и архивных источников, том числе, 31 авторская публикация и 7 работ в соавторстве, упоминается 6 докторских и 6 кандидатских диссертаций, 6 исследований на иностранных языках. Очевидно, что в монографии указаны лишь те источники и издания, на которые непосредственно сделаны необходимые по тексту ссылки. «Для уточнения и переосмысления проблем истории донского казачества и неказачьего населения региона второй половины XIX–XX вв. автором было исследовано более 350 фондов, 5 музеев Российской Федерации и Ростовской области и 6 основных государственных архивов: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Российский государственный архив экономики (РГАЭ), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Государственный архив Ростовской области (ГАРО), Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО), Ростовский областной музей краеведения, Новочеркасский музей истории Донского казачества, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, Таганрогский историко-краеведческий

музей, Шахтинский краеведческий музей и др.» (с. 7). Историк-казаковед Р.Г. Тикиджьян указывает на довольно высокий уровень апробации своего законченного монографического исследования, поскольку полученные им «результаты изучения данной проблематики опубликованы более чем в 100 научных статьях (18 в журналах, включенных в перечень ВАК РФ), [были представлены] в докладах научных конференций и форумов, в 6 коллективных монографиях и очерках» (с. 7).

Помимо пятистраничного предисловия, автор монографии предлагает своему читателю четырехстраничное введение, носящее по его творческому замыслу только теоретико-методологический характер, поскольку «серьезное внимание ученых в последние 25 лет было сосредоточено на переосмыслении научных методов исследований, научных теорий и концепций, парадигм планетарного, мирового, регионального и локального развития» (с. 8). Это введение опирается на обозначенные историографические тенденции.

«В настоящее время понятия модернизации и модернизационных процессов относительно российского и советского опыта середины XIX – начала XX в., – правомерно констатирует Р.Г. Тикиджьян, – по-прежнему требуют серьезной переоценки, более глубоких научных наблюдений и обобщений. В последнее время большинство исследователей стараются рассматривать эти проблемы комплексно, с точки зрения синтеза методологического применения к имеющемуся историческому материалу как мирсистемного, цивилизационного, антропологического, так и формационного, линейно-прогрессистского, социо- и этнокультурных концептов истории, региональной и локальной истории повседневности, теории культурных архетипов. Активно используются историками и социологами также и научные методики многофакторного анализа, социальной синергетики, интеграционного, междисциплинарного и ряда других современных наукоемких подходов» (с. 8).

На фоне историографической тенденции использования историками-казаковедами мультипарадигмальных стратегий исследования в монографии предлагается свое видение проблемы. О своей теоретической рефлексии автор пишет так: «Нам представляется возможным предложить научному сообществу и заинтересованному читателю, краеведу и учителю собственную интерпретацию ряда дискуссионных и недостаточно исследованных вопросов этой большой темы, использовать инновационные историософские теории и концепции, интересные гипотезы по интерпретации богатейшего исторического материала. Постараемся предпринять очередную попытку рассмотреть, как складывались отношения казаков и государства, местного невойскового, крестьянского сельского, городского, иногороднего и инонационального населения Земли и Области Войска Донского на изломах истории, в период реформ, кризисов и краха Российской империи, в ходе революций начала XX в. и создания нового Советского социалистического рабоче-крестьянского государства и общества в рамках РСФСР и СССР» (с. 10).

Первая глава «Казачество и крестьянское население Дона и Приазовья в период позднего Средневековья, Нового и Новейшего времени» рассматриваемой монографии носит историографический характер и освещает два сюжета, изложенные в двух параграфах «Актуальные проблемы изучения истории казачества и крестьянства Дона и Приазовья» и «Донские казаки как субрегиональное и этносоциальное сообщество в Средние века, Новое и Новейшее время: проблемы исторического дискурса». Для современного профессионального сообщества историков-казаковедов представляет научный интерес попытка Р.Г. Тикиджьяна сформулировать

очень детализированный перечень недостаточно изученных вопросов в рамках рассматриваемого им научного дискурса (с. 26–28). К примеру, предлагается в перспективе исследователям переосмыслить «политико-правовые аспекты, практику землепользования и землевладения в казачьей и крестьянской общинах, проблемы их хозяйственно-экономической эффективности и конкурентной способности», рассмотреть «содержание и результаты практики расказачивания на фоне раскрестьянивания российской деревни», интерпретировать с новых методологических позиций «соотношение количественного состава, участие казаков, коренных и иногородних крестьян в составе Белой гвардии и Донской армии, в Красной армии, в “зеленых” военизированных формированиях».

Автор монографии выделяет «пять основных периодов (которые, в свою очередь, имеют свои внутренние этапы) трансформации донского казачьего сообщества в контексте его генезиса и постепенной интеграции в состав российского государства, его политико-правовой и экономической, культурных подсистем» (с. 51–64), а затем дает названным периодам развернутую характеристику. Однако вывод о ключевой первопричине разногласий между властью и казачеством выглядит спорным. Как полагает Р.Г. Тикиджьян, «практический отказ государства с начала XIX в. рассматривать казачество как особый народ (этнос, субэтнос) в итоге привел к противоречиям в политике, к ошибкам в регулировании отношений между государством, казачьими сообществами и формирующимся гражданским обществом в России» (с. 65). На наш взгляд, в таком варианте происходит осовременивание истории с применением понятий этнологии, а формирование гражданского общества в России относится ко второй половине XIX в.

В первом параграфе «Великие реформы и проблемы капиталистической трансформации пореформенного периода в Области Войска Донского и Приазовье» (с. 66–127) второй главы «Модернизационные процессы на южных окраинах Российской империи, донское казачество и крестьянство во второй половине XIX – начале XX века» при всей его большой насыщенности конкретно-историческим материалом необъяснимым образом почему-то обойдена вниманием деятельность войскового (наказного) атамана Войска Донского, генерал-лейтенанта с правами генерал-губернатора и командующего войсками военного округа Александра Львовича Потапова, а он три года, с 1865 по 1868 г., думал и, главное, действовал в духе проводимых в империи «Великих реформ». Последовательный сторонник частной собственности на землю, Александр Львович считал возможным распространить практически все общеимперские реформы 1860-х гг. на Донской край. Покидая Донскую землю, бывший наказной атаман посчитал своим долгом составить подробный доклад на высочайшее имя о проделанной работе. Впоследствии опубликованный доклад представляет собой интересный документ, содержащий вдумчивый анализ пореформенного развития Земли войска Донского, поскольку в нём дается оценка результатов проведенных преобразований и впервые не только указывается проблема финансового обеспечения реформ, но и намечаются пути ее решения. Жаль, что этот атаманский доклад как ценный исторический источник не стал предметом развернутого источниковедческого анализа для автора монографии, причем, здесь имеется место и для дискуссии по поводу позиции бывшего атамана А.Л. Потапова.

В монографии утверждается, что в предшествующие десятилетия перед крестьянской реформой 1861 г., в 1840–1850-е гг. «имели место высылки казачек

вместе с мужьями на родину последних, перевод совместных детей в разряд помещичьих крестьян» (с. 69). Тут следовало бы привести конкретный пример высылки. Очевидно, автор его сократил в целях уменьшения объема итогового варианта рукописи. Вместе с тем на этой же странице содержится правомерный вывод о том, как в результате подобных конфликтогенных проявлений постепенно стали «завязываться тугие узлы межсословных противоречий и будущих классовых антагонизмов» (с. 69). Вот такая получилась невольная историческая коллизия, и в случае второго издания монографии мы бы рекомендовали автору «расшить это узкое место», дабы лучше прояснить и дополнительно аргументировать свою исследовательскую позицию.

При изложении вопроса об отношении самих казаков к проведению реформ на Дону Р.Г. Тикиджьян резюмирует: «В этот период активизировалось и противостояние двух своеобразных негласных “партий” (общественно-политических течений) на Дону. С одной стороны, это были донские патриоты, казакотоманы (проказачья партия), отстаивавшие идеи автономизма, защищавшие преимущественно казачьи интересы и привилегии, этническую особенность казаков и недоброжелательно относящиеся к донскому населению неказачьего и некоренного, “иностранного” происхождения. С другой – донские либералы-цивилисты (пророссийская партия), которые стояли на общероссийских позициях в определении гражданского будущего казачества, считали казаков исконно русскими людьми, выступали против сословной замкнутости и исключительно военного уклада жизни и за расширение гражданских прав и свобод» (с. 76–77). Поддерживая эту авторскую позицию, мы задаемся вопросом, какие реальные люди скрываются за этими, безусловно, примечательными формулировками?! Где, образно говоря, их голоса, голоса провинции, голоса казачьего региона Дона?! Увы, они не звучат.

На наш взгляд, текст монографии только выиграл бы от введения в научный оборот статистического материала при изложении исторического сюжета о закреплении окружного деления и фиксировании названия «Область Войска Донского» (с. 78–79). Как мы полагаем, обобщающие цифры 112 станиц и 118 крестьянских волостей следовало разбить по отдельным округам и оформить это в виде таблицы с детализацией данных по ряду сопутствующих с поселенческой информацией вопросов, например, о количестве жителей, о половозрастном составе населения, а затем поразмышлять об этой статистике в рамках общего алгоритма монографии.

Можно согласиться с выводом Р.Г. Тикиджьяна об исследовательской эффективности подхода по уточнению хронологических рамок, обозначаемых в научной литературе, этапов военно-административных преобразований в Области Войска Донского во второй половине XIX в., а также о необходимости осуществления дополнительной, развернутой интерпретации их характера с учетом вариантов проведения модернизации воинской службы казачества и соответствующего просчета вероятностных результатов. По его мнению, «такой подход является более продуктивным, позволяет увидеть изменения курса имперской политики, ответную позицию казачьих элит и рядового служилого казачества» (с. 81). Автор монографии не сумел отойти от традиционного историографического тройственного стереотипа в оценке социального расслоения казачества: «Сложившиеся уже к концу XIX в. социально-экономические группы зажиточных, середняков и бедноты уже более четко поляризовались в 80–90-е гг.» (с. 83). Например, в составе казачьей бедноты в наиболее тяжелом положении находились батраки, что любопытно по одной из

версий слово «казак» в XIV в. означало *работник, батрак* (хотя данные толкования вызывают сомнения). Нераскрытым остался вопрос о том, какими аргументами руководствовались на Дону, когда в 1867 г. предлагали «основать города Урюпин и Каменск на базе крупных окружных станиц верхних округов ОВД» (с. 91). Почему тогда хотели изменить поселенческий статус именно обозначенных станиц?

Примечательным сюжетом монографии стало авторское дополнение комплексного исследования творческого коллектива ЮНЦ РАН во главе с академиком РАН Г.Г. Матишовым и профессором А.В. Венковым, вышедшее под названием «Социально-исторический портрет дельты Дона: казачий хутор Донской» в 2012 г. [2], на основе метрических книг нижнедонских приходов Покровской церкви станицы Елизаветовской/Елизаветинской, Георгиевской церкви хутора Государевского (Донского) и хутора Обуховка/Обуховского за 1869–1912 гг. Так, согласно обобщенным данным, «брачный возраст казаков и казачек составлял в среднем 23–34 и 19–27 лет соответственно. Устойчивым оставался в начале XX в. казачье-православный обычай обязательного наличия восприемников (т.е. крестной матери и отца у новорожденного казака, казачки, о чем свидетельствует 99 % записей казачьих браков (98 % православных и 1,2 % старообрядцев). Интересны и редкие случаи женитьбы казаков на православных женщинах крестьянского сословия или вдовах-солдатках, но, как правило, вторым браком (возраст 34–54 года)» (с. 96).

Для современной историографии важен анализ смысловых пределов понятия «иностранцы». Как справедливо отмечает Р.Г. Тикиджян, «в 1870–1890-е гг. на казачьем Дону уже вкладывалось иное содержание в само понятие “иностранцы”. Именно за ними, в отличие от коренного неказачьего (бывших донских приписных крестьян) населения, закрепляется в пореформенный период статус “иностранцев”» (с. 105); «иностранное крестьянское население могло вести хозяйство только на покупной или арендованной у казаков и коренных донских крестьян земле. Особенно бесправным было иностранное население в станицах, где казачьи власти не допускали его участия в органах станичного самоуправления, накладывали всевозможные повинности и поборы, не допускали детей в станичные школы. В отличие от казаков и коренных крестьян процесс имущественного расслоения среди иностранцев протекал более быстрыми темпами» (с. 106).

В монографии выделяются две разнонаправленные тенденции социально-профессиональной занятости донских казаков к концу XIX в.: рост количества рабочих и сокращение предпринимателей: «Уже к 1898 г. 14336 казаков не жили постоянно в станицах, более 8 тыс. работали на заводах и шахтах, в портах, около 500 – на железнодорожном и около 700 на речном транспорте. Только на Сулинском металлургическом заводе работало 105 казаков, что составляло 4 % всех рабочих» (с. 107). Общество донских торговых казаков к 1875 г. насчитывало 3921 человек. «К 1898 г. торговлей и предпринимательством в составе общества занималось всего около 1000 чел., в среднем по 8 на каждую станицу» (с. 108), поскольку «в ходе реализации военной реформы правительство вновь решило ввести ограничения, обязав членов Общества донских торговых казаков нести все военные повинности и увеличив размер вступительного взноса» (с. 108).

На основе приведенных выше и ряда других исторических фактов автор монографии делает вывод: «Итак, в социальном отношении казачество как единый народ-сословие к началу XX в. сохранилось во многом только за счет искусственных ограничений. Преобразования 1860–1870-х гг. усилили в его среде процессы

внутригруппового и классового расслоения. «Единое казачество» уже давно стало мифом, сохранение которого было необходимо царскому правительству, испугавшемуся последствий либеральной политики эпохи Великих реформ» (с. 110). Но, если в понятийном плане либерализм проводившихся Великих реформ является общепринятым местом в современной историографии, то донской либерализм, о котором говорится в монографии (с. 115–117) нуждается в пояснениях, кроме изложения сведений об отдельных личностях и политических взглядах донских либералов. Если следовать понятийной трактовке авторитетного современного российского философа и общественного деятеля А.Г. Дугина, то либерализм – это «процесс освобождения личности от любого вида коллективной идентичности», но без коллективной идентичности не существует казачества. Тогда при такой логике вещей донские либералы выступали за разрушение казачества, но ведь это не так, а посему здесь смысловые пределы донского либерализма очень нуждаются в точных авторских комментариях и понимании того важного обстоятельства, насколько донские либералы были готовы выйти за пределы традиционализма, пойти по пути разрушения привычных ценностей казачества, насколько их волновала гендерная идентичность и маскулинность казачьего сообщества, ведь ими буквально пронизана казачья повседневность!

Еще один основополагающий вывод в монографии Р.Г. Тикиджьяна после определения авторского отношения к социальной эволюции базисного субъекта исторического процесса в лице донского казачества касается точки бифуркации в общей модернизационной трансформации Области Войска Донского. «Однако в Области Войска Донского в 1890-х гг. – начале XX в., особенно после присоединения к ней экономически и культурно развитых городов Приазовья, – резюмирует свое историческое описание в первом параграфе второй главы исследователь, – можно определить либерально-индустриальную модернизацию как модернизацию смешанного типа, которой были присущи как органичные, так и неорганичные черты» (с. 125).

Безусловно, разработанная еще во второй половине XIX – начале XX в. Максом Вебером, Эмилем Дюркгеймом, Георгом Зиммелем, Гербертом Спенсером и многими другими учеными, включая также Карла Маркса, теория модернизации получила довольно широкое признание среди отечественных специалистов в постсоветский период. Но, на наш взгляд, излагаемые автором монографии конкретно-исторические материалы гораздо предметнее могут быть интерпретированы с позиций достаточно обстоятельно обоснованной Шмуэлем Ноем Эйзенштадтом (или Айзенштадтом) теории «множественности модернов» [3–4], согласно постулатам которой классическая (западная) модель модернизации рано или поздно претерпевает неизбежные и весьма существенные трансформации в процессе ее реализации в тех или иных странах и государствах под влиянием этнокультурной (цивилизационной) специфики этих стран и государств. Как нам представляется, теория «множественности модернов», не отрицая модернизационную парадигму как таковую, избавляет ее от таких негативных характеристик, как линейность и универсализм западного опыта. Таким образом, теория «множественности модернов», в данном рассматриваемом в монографии случае дополняемая известными положениями «новой локальной истории», позволяет в полной мере учитывать именно специфические характеристики одного из российских имперских вариантов модернизации. Тогда эта множественность модернов качественно объясняет и преобразование кочевий донских калмыков, и эволюцию коренных донских крестьян, да

и самих донских казаков, причем все они находилось в одном трансформирующемся казачьем регионе Области Войска Донского. Тогда легче будет прокомментировать такой оригинальный авторский посыл: «На Нижнем Дону вокруг крупных городских центров к 1914 г. постепенно формируется новая полиэтническая, субкультурная общность – донцов, ростовцев и нахичеванцев, горожан, селян и казаков – составной частью которой является самобытная традиционная казачья культура, а новой основой субкультуры становится гибкость в социокультурном и межэтническом диалоге» (с. 126).

Во втором параграфе «Область Войска Донского в начале XX века: этносоциальные и экономические проблемы взаимоотношений казачества, коренного крестьянского и иногороднего населения края (1897–1917 годы)» второй главы (с. 128–162) на основе детального анализа Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Р.Г. Тикиджьян резюмирует: «В начале XX в. на динамично развивавшемся модернизирующемся Юге России прирост городского населения (130 %) уже начал постепенно опережать прирост сельского (87 %). Быстрыми темпами развивались промышленность и транспорт, и в ОВД шел быстрый процесс урбанизации ее юго-западных районов, воздействовавший и на патриархальный станичный быт, особенно на Нижнем Дону (ст. Аксайская, Александровская, Гниловская, Елизаветинская) и отчасти на Верхнем Дону (ст. Урюпинская, Усть-Медведицкая), где отдельные близкие к городам поселения и окружные станицы испытывали активное влияние крупных городских центров: Ростова, Нахичевани-на-Дону, Азова (на юго-западе), Царицына и Воронежа (на северо-востоке). Постепенно, но неуклонно складывалась сложная многословная, полиэтничная мозаичная структура современного населения Донского края» (с. 135).

В определении социального лица донского казачества на рубеже XIX–XX вв., автор монографии обращается к понятию «архетип», стремясь обозначить обобщенный общественный сценарий проистекавшей индивидуализированной эволюции казака. В этой связи Р.Г. Тикиджьян подчеркивает: «Постепенно вырисовывался и новый архетип “оцивилизованного” казака, значительно отличавшийся от предшествовавшего образа “обрусевшего” казака, имевшего место в конце XVIII – XIX в.» (с. 140). Цивилизаторскую роль, по мнению Руслана Геннадьевича, играли рыночные отношения: «Раньше казачья община была основным институтом, организующим всю жизнь казака, дававшим ему социальную защиту, гарантирующим хотя бы минимальный прожиточный уровень. Уже в начале XX в. у казаков стали появляться и другие формы социальных, общественных и хозяйственных организаций – товарищества, кооперативы, различные общества. Всё чаще именно эти организации стали играть в жизни казака определяющую роль, помогали ему приспособить свое хозяйство к новым товарно-рыночным отношениям. При этом участие в подобных товариществах было добровольным, взаимовыгодным, в отличие от общины с ее весьма жестким диктатом... Всё большую роль в правосознании казака играют общеимперские законы (не только уголовные и военные, как было раньше, но и регламентирующие хозяйственную, производственную и торговую деятельность). Типовые уставы различных обществ и товариществ способствовали внедрению в сознание казака государственных и юридических норм и правоотношений. Данная ситуация всё более сближала их с крестьянским населением» (с. 148).

Проблема хозяйственно-экономической коэволюции базисных для казачьих регионов России социальных групп казачества и крестьянства выступает актуальной

историографической задачей для региональных исследователей. «Однако в современной историографии, – правомерно пишет Р.Г. Тикиджьян, – по-прежнему нет единой точки зрения по вопросам количественного состава сельского населения, его социально-классовой дифференциации. Нет также единого мнения в вопросе о причинах очередного обострения аграрного вопроса в канун революции 1917 г. Например, авторитетный исследователь казачьей проблематики Л.И. Футорянский, продолжая давнюю научную полемику по этой проблеме, упрекает историков донской школы, которые, по его мнению, “...нередко преувеличивали богатство основной массы казачества (имея в виду наличие в ней кулаков – 23,8 %, и середняков – 51,6 %), что должно было оправдывать его ‘контрреволюционность’ в годы революции и Гражданской войны”» (с. 151). После изложения статистических материалов и аргументов Леонида Иосифовича, презюмируется его вывод: «Отсюда, не всегда верно и полно оцениваются причины и характер остроты межсословного и классового противостояния казаков, иногородних и большей части коренных крестьян из-за земли, трактуются отдельные политические события и результаты аграрных преобразований 1917 и 1918–1921 гг. на Дону и Юге России» (с. 152). Судя по всему, Р.Г. Тикиджьян не принимает это замечание оренбургского профессора ни на свой счет, ни по отношению к другим донским историкам-казаковедам, что следует из дальнейшего изложения (с. 152–162).

В первом параграфе «Политические предпочтения казачества и неказачьего, крестьянского населения Области Войска Донского в начале XX века (1905–1922 годы)» третьей главы «От Российской империи к Советской России и СССР. Донское казачество и крестьянство на переломе исторических эпох (1917–1922 годы)» (с. 163–178) после изложения массива конкретно-исторического материала по заявленному предмету в отношении донского казачества автор монографии делает резюмирующий вывод: «В условиях общенационального кризиса и начавшейся Гражданской войны казаки, как социально-этническое сообщество и военная корпорация мелких и средних землевладельцев, испытывая внутреннее и внешнее политическое и социальное давление, оказались в трагической ситуации – состоянии внутреннего раскола, постоянных “политических штатаний”. Как воины-профессионалы, они объективно не могли оставаться “нейтралитетами”, отсюда раскол и уход к “белым”, “красным” и “зеленым” политическим лагерям, что в итоге привело к кровопролитному противостоянию как с новой советской властью, так и с неказачьим, рабочим и иногородним населением казачьих областей» (с. 178). Между тем остался без ответа в монографии вопрос: почему всё-таки симптоматичная объединительная «попытка создать свою самостоятельную организацию “Казачий союз”, предпринятая казачьей интеллигенцией еще осенью 1905 г. во главе с С[ергеем Яковлевичем] Арефиным» (с. 164–165) оказалась безуспешной? Кстати, обозначенный лидер оставил примечательный след в донской историографии [5], не отмеченный в монографии. Увы, не ясно, почему же Р.Г. Тикиджьян отказался от источниковедческого анализа текстов станичных наказов и приговоров, принимавшихся в большом количестве казаками в начале Первой русской революции? Однако как достоинство работы можно отметить выстроенный им описательный рейтинг политических партий по степени популярности в среде донского казачества (если репутационный фактор партий учитывать по нисходящей шкале): «партия конституционных демократов (кадеты), народных социалистов и партия социалистов-революционеров» (с. 167). Компактно и по делу изложен сюжет о роли

донского казачества и его депутатов в Государственной думе в период российских революций и реформ начала XX в. (с. 170–176).

В рамках сложившейся историографии казачьи институции традиционно описываются исключительно в качестве характерных примеров народной демократии, но в монографии однозначно подчеркивается обратный вектор развития публичного права донского казачества. Как заявляет в первом параграфе третьей главы Р.Г. Тикиджьян, «представительские общероссийские казачьи съезды (март и июнь 1917 г.) избранные казачьи круги периода весны 1917 – осени 1920 г. всё же не являлись образцами общероссийского, общедемократического, многословного (надсословного) парламентаризма. Они представляли возрожденный в условиях “демократической анархии” обновленный вариант казачьей корпоративной демократии для меньшей части населения казачьих областей» (с. 176). Это была диктатура меньшинства при наличии инакового большинства, которое меньшинство стремится взять под свой тотальный контроль. В самом донском казачестве сложилось во второй половине XIX в., по мнению автора монографии, два негласных политических направления (две партии), «просуществовавших вплоть до революции и Гражданской войны 1917–1920 гг.:

1) казакоманов (будущих донских сепаратистов и автономистов), ратовавших за самобытность основ казачества, его этническое отличие от русских и социальное от крестьян-мужиков. Эта идеология со временем породила идею и практику казачьей автономии и даже “самостийной государственности”;

2) русофилов-прогрессистов, видевших в современном казачестве особую часть русского народа, отстаивающую цивилизованный переход казачества к гражданскому состоянию и дальнейшему развитию его этнокультурных основ, не исключавших и сохранения элементов самобытной культуры и областного самоуправления. Эта часть казачества оставалась преданной идеям единой и неделимой России, однако различала республиканскую и монархическую альтернативы» (с. 177–178).

Во втором параграфе «Донское казачество и крестьянство в период революции и Гражданской войны в 1917–1922 г. “Донская Вандея” и политика расказачивания Советского государства» (с. 179–236) третьей главы выдвигается тезис о демократическом многовластии (с. 181), который, на наш взгляд, оказался недостаточно раскрыт автором. В Области Войска Донского сформировалась тогда довольно своеобразная система властно-исполнительных органов, в которую вошли:

1) аппарат власти Временного правительства в лице Донского исполнительного комитета – «непогребенный труп», как его назвал правительственный комиссар;

2) кадет из казаков М.С. Воронков, назначенный правительственным комиссаром, авторитетный и популярный в массах и четко метивший свою «властную территорию»;

3) казачьи управленческие структуры;

4) избранные на местах советы депутатов;

5) земельные комитеты;

6) органы городского самоуправления.

В этой связи мы полагаем, если бы удалось полноценно раскрыть властные полномочия всех перечисленных социальных институтов (а не предложить общее историописание), тогда бы получилось в монографии воссоздать цельную историческую картину о демократическом многовластии, но, увы, Р.Г. Тикиджьян по сложившейся историографической традиции акцентирует внимание на освещении земельного вопроса.

Оценивая итоги работы I Войскового круга Дона и последующую реализацию его решений в ключевом казачьем регионе, автор монографии предметно указывает на «постепенный фактический переход реальной власти в руки казачьей атаманско-офицерской верхушки, опиравшейся на зажиточные слои и часть середняцкого слоя, пока еще недостаточно четко ориентировавшегося в сложной социально-политической обстановке в России и на Дону. Попытки историков Г.В. Марченко, В.Г. Родионова [6–7] оценить с новых идеологических позиций данный процесс как прямое восстановление легитимной казачьей сословно-корпоративной демократии, которая была выгодной политической схемой в тот период и для всего неказачьего населения Дона, – подчеркивает Р.Г. Тикиджьян, – не выдерживают серьезной критики, так как недостаточно аргументированы и противоречивы» (с. 191–192).

На основе анализа начального этапа Гражданской войны делается вывод об упущенной исторической региональной альтернативе, поскольку «так и не реализовался возможный вариант политического компромисса между казачьим, крестьянским и иногородним населением края. Опыт создания и недолгой деятельности в конце декабря 1917 г. – январе 1918 г. Объединенного правительства как явно запоздавшего политического паритета (соглашения) с частью коренного крестьянского населения, фактического проекта первой Донской демократической республики, к сожалению, в итоге так и не дал серьезных положительных результатов» (с. 211–212). И, наоборот, в социальной реальности «наиболее распространенной формой противостояния в тот период времени стали решения казачьих хуторских и станичных сборов о выселении за пределы Области и к месту приписки семей крестьян, в особенности семей иногородних» (с. 221). К сожалению, Р.Г. Тикиджьян не провел развернутого источниковедческого анализа приговоров казачьих хуторских и станичных сборов о выселении за пределы Области Войска Донского и к месту приписки семей крестьян, в которых следовало бы обратить внимание на аргументацию таких решений, сколь бы похожей она не была, привести какие-то подсчеты приговоров по определенным критериям; не менее примечательны здесь реквизиты исторического документа, скажем, те же подписи, стилистика изложения текста приговора и прочие интересные детали. Тем не менее, согласно зафиксированной точке зрения автора монографии, основными причинами и обоснованием для таких жестких, репрессивных мер депортации и конфискации имущества по документальным решениям станичных и хуторских сборов «являлись:

- переход на службу в Красную гвардию, Красную армию (или уход сыновей в Красную гвардию);
- обвинение в сочувствии большевикам, советской власти и Красной армии в антиказачьих настроениях и агитации;
- отказ от мобилизации в Донскую армию и участия в мероприятиях по защите Донской области;
- отказ от подсобных служб: перевозки убитых и раненых, уборки урожая в помещичьих и казачьих хозяйствах и др.» (с. 223).

Расказачивание, ставшее в современной российской историографии одним из ключевых, нередко достаточно конъюнктурных и наиболее остро дискуссионных сюжетов с поляризацией звучащих оценок и суждений, рассматривается Р.Г. Тикиджьяном, прежде всего, как ответная мера крестьянства на сословные притеснения со стороны казачества: «Действительно, в итоге не только бесправные иногородние, но и ранее колебавшийся коренной крестьянин-середняк, склонявшийся

к политическому диалогу с казачеством, с конца 1918 – начала 1919 г. в своей массе всё активнее поддерживал политику советской власти и правящей коммунистической партии. Крестьяне всё охотнее шли служить в Красную армию и были готовы принимать активное участие в непримиримой борьбе за полное уничтожение казачества и его привилегий... В ходе наступления Красной армии на Южном фронте осенью-зимой 1919 г. и захвата большей части северо-восточных территорий Области были созданы условия для ответного социального реванша – войны крестьян и иногородних против казаков» (с. 224–225). «Кровавый маховик» Гражданской войны лихо закручивал очередной исторический сюжет. «Восстание верхнедонских станиц было в известном смысле войной железных крыш против соломенных (дом казака от дома крестьянина можно было, как правило, узнать по крыше)» (с. 226).

Со ссылками на ранее опубликованные работы С.А. Кислицына и Я.А. Перехова [8–9] в монографии указываются масштабы расказачивания: «Только за первое полугодие 1919 г. было уничтожено и переселено по разным подсчетам более 120–150 тыс. казаков, что позволило ряду историков и публицистов в конце 1980–1990-х гг. определить эту политику как “попытку геноцида всего казачества” леворадикальной частью коммунистов еврейского происхождения во главе с Я.М. Свердловым, Л.Д. Троцким и др.» (с. 227). К числу отдельных фрагментов монографии, вызывающих вопросы и требующих дополнительных разъяснений, также относится комплексная характеристика тогдашнего атамана П.Н. Краснова – «прогермански настроенный казачий патриот-националист. Он, опираясь на консерваторов-казачьих командиров, сумел переиграть либерально-кадетскую оппозицию во главе с А.П. Богаевским, ориентируясь на А.И. Деникина и союзников из Антанты» (с. 213). «Новая жесткая вертикаль казачьей, корпоративно-демократической власти под руководством “атамана-полудиктатора” П.Н. Краснова представляла подобие своеобразной псевдопрезидентской казачьей республики» (с. 215). При авторском сравнении Всевеликого Войска Донского с Донской советской республикой указывается, что «всех признаков государства ВВД добиться не удалось» (с. 214), а вот просуществовавшая менее полугодом Донская советская республика состоялась, и «есть все основания утверждать, что весной 1918 г. подавляющее большинство поддерживало борьбу за прогрессивное развитие Донского края» (с. 213). Остался в тексте монографии безымянным «немецкий комендант Донской области» (с. 219). Был ли защитником интересов немецких колонистов прусский генерал-фельдмаршал Герман фон Эйхгорн, возглавлявший оккупационную администрацию многих захваченных российских территорий, в том числе, Донской области, не понятно, или речь идет в монографии о совершенно другом человеке, ибо 30 июля 1918 г. главного германского оккупанта убил в Киеве эсер Б.М. Донской, а власть кайзеровского полковника фон Фромма распространялась только на Ростов-на-Дону и Нахичевань. Не завершённым в монографии, к сожалению, получился примечательный исторический сюжет о прямой эксплуатации донскими казаками крестьян летом-осенью 1918 г.: «В ряде станиц была официально введена трудовая повинность крестьян группами по 15–20 чел. в хозяйствах казаков, воюющих на фронте, при мизерной оплате – 5 руб. в день» (с. 229).

В первом параграфе «Казачья эмиграция и судьбы казаков-реэмигрантов в Советской России в 1920–1930-е годы» (с. 237–245) четвертой главы «Советское государство, донское казачество и крестьянство в 1920–1930-е годы: поиски согласия и противостояние» дается простое обзорное описание, поскольку «данная

проблематика нуждается в дальнейших специальных и комплексных исследований» (с. 238). В конце первого параграфа делается итоговый вывод, что «в период с 1926 по 1934 гг. оставшиеся неучтенными, переселившиеся в другие районы и города или уже отбывшие сроки казаки-реэмигранты (репатрианты) были окончательно “зачищены”, выявлены и репрессированы в период Большого террора и реализации в крае известного приказа НКВД № 00447 от 1937 г.» (с. 245). Насколько однозначным может быть такое итоговое суждение, предстоит еще разбираться исследователям.

Во втором параграфе «Новая экономическая политика и проблемы взаимоотношений казачества, крестьянского и иногороднего населения Дона в 1921–1929 годы» (с. 246–273) четвертой главы на основе проведенного историографического анализа Р.Г. Тикиджьян фиксирует временной рубеж весны–лета 1922 г., когда реально произошли «прекращение повстанческого антибольшевистского, “бело-зеленого” движения (причем отнюдь не всегда носившего антисоветскую, а чаще “антикоммунистическую” направленность), ликвидация “политического бандитизма” и завершился последний этап “малой гражданской войны” на Дону и Юге России» (с. 250–251), а потому новая экономическая политика под давлением объективных и субъективных обстоятельств, в частности, сопротивления местных партийных работников, разворачивается «лишь к концу 1922 – началу 1923 г.» (с. 252). Такая оценка временного начала нэпа вполне правомерна, хотя повстанческое движение, заметим, угасает лишь к середине 1920-х гг.

Начало политики «лицом к казачеству» относится автором монографии к осени 1924 г., и это соответствует устоявшейся точке зрения в историографии, причем, по мнению Р.Г. Тикиджьяна, «итогом политической линии “лицом к казачеству” должно было стать завершение процесса сословно-корпоративного и хозяйственного расказачивания, т.е. полной и окончательной десословизации казаков» (с. 256). На ключевом для политики «лицом к казачеству», апрельском (1925 г.) пленуме ЦК РКП(б), – подчеркивает автор монографии, был «намечен целый ряд мер для усиления просоветских настроений среди казаков: всемерное привлечение “широких слоев казачества” к работе сельских и станичных советов; вовлечение “маломощных и середняцких слоев молодого казачества в ряды РЛКСМ”; смягчение в отношении казаков практики лишения избирательных прав; фокусирование внимания прессы на нуждах казачьих сообществ и прочее» (с. 256). Такой «либерализм ЦК РКП(б)» не находил поддержки в партийном аппарате и низовых партийных ячейках, а «представители казачьей эмиграции, оценивая новый поворот советской власти в «казачьем вопросе», с едким сарказмом констатировали по этому поводу, что коммунисты заявляют о дружбе с казаками «с зубовым скрежетом» (с. 257). «Резко негативно политику “лицом к казачеству” расценила и масса иногородних крестьян, особенно бывшие красноармейцы и “красные” партизаны, т.е. те, кто в период Гражданской войны отстаивал с оружием в руках крестьянские интересы и сражался с казаками. Иногородние, оценивая новую ситуацию, возмущались: “советская власть делает неправильно, оказывая внимание казакам – нашим врагам”» (с. 258). Сами же казаки какое-то время не могли понять, как им относиться к произошедшим переменам в политике правящей партии большевиков. «Когда период сомнений и растерянности закончился, донское казачье сообщество разделилось на казаков, выразивших одобрение большевистским мирным инициативам, и на тех, кто эти инициативы оценивал критически. Конечно, точное соотношение тех

и других установить не представляется возможным, но, судя по частоте упоминаний в источниках, всё же большинство донцов были довольны смягчением большевистской политики и с оптимизмом смотрели в будущее, радуясь, что советская власть наконец-то «повернулась лицом к казачеству. А то до сих пор казаки чувствовали себя как бы обиженными» (с. 258–259). Теперь же получили импульс «оживление» и оказачивание станичных Советов и местной администрации, серьезно сократилось количество «лишенцев», бывший станичный и хуторской актив (атаманы, зажиточные казаки, старики и пр.) включился в политические процессы, выдвинулся в органы местного самоуправления. «В советах и во властных структурах более высокого уровня стало не только больше казаков, но это были уже другие казаки, которые ранее вызывали у коммунистов стойкую антипатию своей независимой гражданской позицией и критическими замечаниями в адрес большевистского режима» (с. 264–265). Однако, делает правомерный вывод Р.Г. Тикиджьян, «в 1925 г., как и до реализации политики “лицом к казачеству”, действительные рычаги власти находились по-прежнему в руках иногородних, а казаки чаще всего играли в администрации роль статистов или, в лучшем случае, могли претендовать на пост заместителей тех или иных “начальников”. Всё же, как нам представляется, в 1925 г. в советской администрации при наличии количественных сдвигов качественных изменений не произошло. Бесспорно, в органах власти казаков стало больше, но они, как правило, не возглавляли эти органы, не могли прямо и серьезно влиять на принятие решений. Данная ситуация в очередной раз свидетельствовала о сохранявшемся недоверии большевиков и иногородних к казакам, даже в рамках реализации более либеральной политической линии “лицом к казачеству” в 1925–1927 гг.» (с. 265–266). Мы бы здесь уточнили, что на низовом уровне управления казаки могли выбиться в лидеры, и это весьма убедительно доказывается во втором параграфе «Кампания лицом к деревне (“лицом к казачеству”) на Юге России и ее социально-политические результаты» шестой главы докторской диссертации Т.В. Панковой-Козочкиной, когда «казак попер в советы[,] и у нас спрашивать не стал» [10, с. 472].

Однако проведенные большевиками «мероприятия по оказачиванию Донской региональной парторганизации дали в итоге весьма скромные результаты. Хотя к этому времени численность казаков-партийцев и выросла на 411 чел. по сравнению с началом того же [1926] года, их представительство в рядах краевой организации ВКП(б) никоим образом не было пропорционально удельному весу в составе населения Юга России» (с. 267). Даже «к июлю 1928 г. в составе северокавказской парторганизации насчитывалось 3042 казака, или всего 3,7 % от общей численности южно-российских коммунистов» (с. 271). «Одновременно следует заметить, что даже к казакам-коммунистам партийное руководство Северо-Кавказского края по-прежнему испытывало определенное недоверие, в связи с чем в 1928 г. было даже решено проверить степень влияния “сословной розни на внутривнутрипартийную жизнь”» (с. 267). Примерно такими же, более чем скромными, результатами закончились и попытки оказачивания донского комсомола. Тем менее автор монографии делает позитивный вывод, поскольку «мероприятия, осуществленные на Дону в 1924–1928 гг. в рамках нэпа, реализации политики “лицом к деревне”, “лицом к казачеству”, несмотря на противоречивое и даже отрицательное к ним отношение со стороны многих партийно-советских работников, части крестьянского и особенно иногороднего населения, да и части самих казаков, всё же способствовали

повышению хозяйственной и общественной активности донцов, росту их доверия к советской власти» (с. 268).

Во второй половине 1920-х гг. донцы в значительной мере сохраняли военно-служебные устремления, поэтому, правомерно подчеркивает в своих суждениях Р.Г. Тикиджьян, они «приняли в это время и достаточно активное участие в укреплении обороноспособности СССР (РСФСР), не отказываясь от поддержки проведения военно-милиционной реформы и военной службы в рядах Рабоче-крестьянской Красной армии. Однако, многие позитивные начинания, налаживание взаимопонимания между советской властью и казачеством, иногородним населением Дона вновь были прерваны отказом от политики нэпа, переходом к форсированной социалистической модернизации и насильственной сплошной коллективизации деревни, начавшейся с кризиса хлебозаготовок 1928–1929 гг., репрессивной политикой по отношению к зажиточным и части середняцких слоев казачества и крестьянства Юга России в рамках перехода к жесткой авторитарной, административно-командной системе управления и режиму личной власти И.В. Сталина» (с. 268). И здесь автор ссылается на авторитетное мнение Н.А. Токаревой, которая обстоятельно рассмотрела этот исторический сюжет в своей монографии [11].

Анализируя командно-административный нажим на южно-российских хлеборобов, Р.Г. Тикиджьян делает вывод: «По ряду причин донские казаки выдвигались на передовые позиции в протестном движении российской деревни против насилия хлебозаготовителей» (с. 270). В качестве причин он называет сплоченность казачества, большую его зажиточность по сравнению с крестьянством, причем, «кулаки» из казачьей среды проявляли повышенную социально-политическую активность и имели однозначную поддержку станичников, а в ментальном плане казак воспринимал земельный участок как паевую землю, доставшуюся за прежнюю службу (свою собственную или от старших поколений), но не данную советской властью, в отличие от крестьян. Однако протестное движение не имело «характера жесткого сопротивления и выразилось в отказах отдавать хлеб государству, антисоветских высказываниях и распространении слухов, особенно о якобы приближающейся войне и иностранной интервенции (в рамках которой ожидалось возвращение казачков-белоземцев)... Отдельные донцы, настроенные наиболее решительно, копили боеприпасы, покупая с этой целью у населения винтовочные патроны по 20–25 коп. за шт.» (с. 271).

Трудно согласиться с противоречивым выводом автора монографии об отсутствии «специальной, отдельно определявшейся “казачьей политики” как самостоятельного постоянного направления в 1920-х гг.», ведь он тут же пишет: «Изначально, еще в годы Гражданской войны и “военного коммунизма” была определена “стратегическая линия” в “казачьем вопросе”, политика поэтапного раскачивания, проводившаяся через отмену и постепенные изменения сословно-правового, военного и хозяйственно-поземельного статуса и отчасти бытового уклада жизни казачества» (с. 272). «Казачья политика» как раз и заключалась в поиске вариантов встраивания казачества в советскую систему, ибо уничтожить полностью казачество не представлялось возможным, поэтому лавирование между Сциллой и Харибдой и являлось политикой, когда антиказачьи акции сочетались с периодами потепления отношений, которые не очень-то устраивали большевиков, о чём также рассуждает Р.Г. Тикиджьян, говоря о политическом дуализме в «казачьем вопросе».

В третьем параграфе «Советское государство, донское казачество и крестьян-

ство в ходе социалистической модернизации и административно-территориальных реформ в 1920–1930-е годы» (с. 273–285) четвертой главы подчеркивает: «Идеи территориальной автономности казачьего населения, популярные в период революции и Гражданской войны, опыт Донской советской республики, Всевеликого Войска Донского и Кубанской краевой рады, Союза казачьих войск Юга России в 1918–1920 гг. были однозначно отвергнуты в новых советских реформационных проектах» (с. 276). Поиск приемлемого варианта административно-территориального устройства велся в течение почти двух десятилетий и при этом «для территории бывшей Области Войска Донского можно выделить четыре основных этапа таких значимых реформационных преобразований:

– 1-й этап – создание Юго-Восточного края, куда включалась Донская область (1920–1924 гг.), разделенная на шесть округов (Таганрог с округой входил в состав УССР);

– 2-й этап – Северо-Кавказский край (1924–1934 гг.), куда вместо области вошли четыре укрупненных округа, включавшие в себя объединенные в 1928 г. в единый мегаполис Ростов-на-Дону и Нахичевань;

– 3-й этап – выделение отдельного Азово-Черноморского края (1934–1937 гг.);

– 4-й этап – разделение Азово-Черноморского края с 13 сентября 1937 г. на Краснодарский край и Ростовскую область (в таком виде они просуществовали вплоть до 1956 г.)» (с. 277).

В итоге обозначенных преобразований более трети территории бывшей Области Войска Донского оказалась за административно-территориальными пределами Ростовской области, за которой закрепился прежний топоним Дон, используемый и в настоящее время. Подобной реформе большевики подвергли Кубанскую и Терскую области, что послужило документальным основанием «историку Н.Ф. Бугаю обозначить данный процесс и его последствия как “территориальный геноцид казачества”» [12], но, по мнению самого Р.Г. Тикиджьяна, «это, конечно, небесспорный, вполне обсуждаемый научный дискурс, требующий новых серьезных аргументов» (с. 278).

Правомерным следует признать итоговый историографический вывод автора монографии о состоянии изучения донской повседневности в первые советские десятилетия: «В региональной историографии еще неполно исследована такая тема, как трансформации традиционной (конфессиональной и хозяйственной, культурно-бытовой, в том числе праздничной) культуры сельского казачьего и крестьянского населения в 1920–1930-х гг. после установления советской власти» (с. 278), хотя ряд актуальных вопросов закрывают обстоятельные работы и фундаментальная докторская диссертация С.Д. Багдасарян [13–15], почему-то не упомянутые в рецензируемой монографии. При этом в ней отмечается «сосуществование в повседневной и праздничной обрядности казачьих станиц Юга России старых традиций и новых элементов советской обрядности» (с. 283), хотя «крестьяне и казаки старших возрастов, “темные захолустные массы народа” (по выражению одного из южно-российских селькоров), в документах и отчетах того времени часто именуемые как “длиннобородые” или “бородачи”, демонстрировали весьма критичное, а нередко и враждебное отношение к “красным” праздникам» (с. 281). Как справедливо полагает Р.Г. Тикиджьян, необходимо и дальше продолжать исследование «современных интерпретаций в виде “неоказачьего” культурного ренессанса» (с. 285).

Заметим, что «автор специально не останавливается подробно на оценках периода сплошной коллективизации на Дону и Юге России, социально-экономических

процессах социалистической модернизации сельского хозяйства, рассказывания и раскрестьянивания 1929–1935 гг., в связи с глубоким убеждением, что данная проблематика заслуживает отдельного серьезного источниковедческого и историографического исследования. В данной работе даются лишь общие оценки этой сложнейшей темы в контексте ее дальнейшего изучения» (с. 5–6). Как мы полагаем, этот исторический сюжет Р.Г. Тикиджьяну, к сожалению, не удалось развить, и в региональной историографии есть работы, на которые можно было бы опереться, скажем, на фундаментальную монографию В.А. Бондарева [16] и его же докторскую диссертацию [17], что упоминается в прилагаемом в библиографическом списке к рецензируемому труду, да и автор настоящей статьи на этом проблемном поле также предметно поработал [18–19], хотя по другим поводам ссылок на наши работы сделано предостаточно. Не менее примечательным могло бы стать освещение проблемы трансформации казачьей самоидентификации как раз в обозначенный период.

В четвертом параграфе «Военная политика Советского государства и отношение донских казаков и крестьян к службе в Рабоче-крестьянской Красной армии в 1920–1930-е годы» четвертой главы (с. 285–296) автор монографии анализирует возможности несения воинской службы казаками в условиях советской власти и приходит к выводу о выделении двух этапов в рамках заданной проблематики. Соответственно, «на первом этапе, в 1923–1929 гг., кавалерийские подразделения переменного состава к исходу 1920-х гг. были созданы уже во всех казачьих округах Северо-Кавказского края, в первую очередь на Дону и Кубани... На втором этапе – с 1936 по 1942 г., только после практики репрессивного “раскулачивания-рассказывания” и завершения сплошной коллективизации на Дону и Северном Кавказе» (с. 294) вернулись к идее кавалерийских казачьих формирований в составе РККА.

Причем на первом этапе шло «формирование особой территориально-милиционной армейской системы», когда создаваемые тогда милиционные подразделения состояли в структурном отношении «из кадра и переменного состава», а казаки имели реальную возможность нести обязанности воинской службы наравне с рабочими и крестьянами, но не в специальных казачьих, а в одних и тех же территориальных частях. «Так, немало донских казаков было приписано в качестве красноармейцев-переменников к 9-й Донской стрелковой дивизии» (с. 288). Более того, правомерно отмечает Р.Г. Тикиджьян, ссылаясь на работы известных историков-казаковедов А.В. Баранова [20], Г.Л. Воскобойникова и В.Д. Батырева [21], «правительство Советского государства пошло навстречу пожеланиям казаков и стало направлять их преимущественно в кавалерийские части. Так, уже в 1923 г. 3-я Отдельная кавалерийская бригада, дислоцировавшаяся в Северо-Кавказском военном округе, была переведена на начало территориально-милиционной системы, а к службе в ней стали привлекаться в первую очередь казаки» (с. 292). Как справедливо замечает автор рецензируемой монографии, «большинство представителей казачьего сообщества Дона (впрочем, как и Кубани, и Терека) в целом традиционно положительно относились к необходимости служить либо в кадровых, либо в территориальных частях» (с. 288), ибо прохождение воинской службы считалось для подавляющего большинства сельских юношей, особенно казаков, символом мужской социальной зрелости и здорового духа, «возможностью повысить свой образовательный уровень», выполнить долг перед Родиной, почувствовать себя настоящим казаком (средство самоидентификации) при общем облегчении «военно-мобилизационного бремени». Одновременно не обошлось при осуществ-

влении территориального способа мобилизации казаков призывных возрастов без негативных тенденций в виде кругового сбора денег, проводов на службу с алкогольными возлияниями, отказов части казаков служить в РККА по очень разным причинам (в том числе, из-за наличия злоупотреблений «командного состава, инструкторов и пр.», сроков проведения военных сборов в территориальных частях, «т.е. на время напряженных сельскохозяйственных работ», сознательного получения статуса «лишенца», особенно, зажиточными казаками, и т.д.) и разворачивания активной борьбы местных властей с иными «рекрутскими замашками» (с. 290).

«В итоге, в ходе развернувшейся политической кампании “За советское казачество” и очередной реформы РККА, накануне и в первые годы войны с 1936–1942 гг., – констатирует на основе изученной литературы Р.Г. Тикиджьян, – были созданы 91 кавдивизия и 18 корпусов. Большинство из них, 75 и 13 соответственно, в том числе легендарный 5-й Донской казачий гвардейский кавалеристский корпус, непосредственно принимало активное участие в военных действиях в ходе основных кампаний Второй мировой и Великой Отечественной войны...» Однако «непосредственно казаков в составе воинских подразделений было до 30–45 %, остальные набирались из крестьян, имевших минимальные навыки знакомства с конной выездкой и джигитовкой, как правило, из казачьих районов. Эта тенденция сохранялась и в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (с. 294, 295).

Из итоговых выводов, содержащихся в заключении (с. 297–303) рассматриваемой монографии, обращает на себя внимание суждение о коренном крестьянстве, поскольку на обозначенных казачьих «территориях формируется не менее уникальное сообщество донских крестьян-поселенцев и работных людей из России и с украинских земель Речи Посполитой, особенно после присоединения Новороссии и Крыма. Даже попав в крепостную зависимость по реформам Павла I, они внесли свой весомый вклад в историю, экономику и культуру края, а после ее отмены в 1861 г. – в капиталистическое развитие аграрного сектора» (с. 297).

Спорным представляется вывод о последствиях отказа имперских властей «с начала XIX в. рассматривать казачество как особый народ (этнос, субэтнос)», поскольку обозначенная ситуация, по мнению Р.Г. Тикиджьяна, «способствовала расколу в среде самого казачества, объективному процессу расказачивания в ходе капиталистической эволюции, обостряла аграрный вопрос и противостояние казаков и крестьянского коренного и иногороднего населения Дона. Данные противоречия с особой силой проявились в период двух российских революций и Гражданской войны 1917–1922 гг.» (с. 297). Как мы полагаем, имперские власти в принципе не могли признать казачество в качестве особого народа, ибо установление этнических статусов не являлось тогда целью великодержавной (великорусской) национальной политики.

«При создании колхозно-кооперативного строя в деревне под лозунгом “За советское казачество”, – резюмирует в заключение автор монографии, – была репрессирована практически вся зажиточная прослойка и часть середняков, остальная часть постепенно растворялась в массе колхозно-кооперативного крестьянства либо, разрывая свои этнокультурные корни, переезжала в города, пополняя ряды рабочего класса и советских служащих, военных и интеллигенции» (с. 298). Здесь допущена историческая неточность, поскольку кампания «за советское казачество» реально начинается только в конце 1935 г., когда названный «колхозно-кооперативный строй» уже был создан, а коллективизация к 1936 г. практически завершилась.

Основная часть заключения монографии (с. 298–303) посвящена не итоговым суждениям по избранному предмету научного дискурса, а описанию процессов современного возрождения казачества. Это, с одной стороны, вызывает вопросы, а с другой – мы имеем дело с неотъемлемым правом автора на такую структуру заключения работы. В итоге Р.Г. Тикиджьян ставит перед своими читателями острый проблемный вопрос о дальнейших перспективах развития современного казачества: «Что же это за социально-политический и этнокультурный феномен? Искусственная и нежизнеспособная, “госреестровая” социальная корпорация или “казачий народ-этнос”, вновь формирующаяся активная, социо- и этнокультурная формация-страт или обновленные войсковые казачьи армейские части, необходимые российскому государству на данном этапе?» (с. 302). Далее обозначаются четыре основных социальных сценария: 1) показачивание и огосударствление; 2) кризис и расколы в процессе возрождения; 3) саморасказачивание «ряженных казаков»; 4) торжество российского проекта неказачества (с. 303). В итоге подчеркивается важная роль в этих процессах научного и экспертного сообщества как одного из сдерживающих факторов очередных эксцессов в казачьем движении.

Ахиллесовой пятой рассмотренного монографического исследования, на наш взгляд, является отсутствие должного развернутого источниковедческого анализа, поскольку Р.Г. Тикиджьян предпочел опору на историографические источники, вторичную интерпретацию изначального контента он вывел на первый план, и это его право, его понимание принципа свободы научного творчества. Мы же можем высказывать только сожаление по поводу такого научно-методического выбора историка-казаковеда, подчеркивая значимость первичного исторического источника, оказавшегося вторичным в рецензируемом исследовании.

Предлагая развернутую рецензию на монографию Р.Г. Тикиджьяна, мы стремились, во-первых, познакомить читателей журнала «Казачествоведение» с новым фактом историографии; во-вторых, дать возможность нашим коллегам порассуждать над многими сюжетами истории донского казачества, предметно разбираемыми в данной публикации; в-третьих, акцентировать внимание, прежде всего, на сложных историографических проблемах, пока не имеющих однозначного решения, но поднимаемых автором монографии; в-четвертых, сосредоточиться на концептуальных положениях, выводах и обобщениях, проистекающих из целенаправленно собранных исследователем конкретно-исторических материалов; в-пятых, высказать ему ряд полезных пожеланий, которые могли бы быть учтены при новом, дополненном издании уже опубликованного текста, или же при творческом воплощении раскрываемой совокупности научных проблем в ином его монографическом произведении.

Таким образом, монография «Донское казачество и крестьянство на переломе исторических эпох: между имперской и советской социалистической модернизацией (1855–1939 гг.)», опубликованная доцентом кафедры «История и культурология» Донского государственного технического университета, кандидатом исторических наук Тикиджьяном Русланом Геннадьевичем, свидетельствует о возможности использования полученных им результатов в исследовательской практике научно-педагогических работников и в учебном процессе вузов региона, в том числе входящих в Ассоциацию образовательных организаций высшего образования, реализующих казачий компонент.

В целом же по своему концептуальному замыслу, по логике подачи материала, по завершеному историописанию монографическое исследование, безусловно,

состоялось, а еще, будучи достойно оформленным издательством Донского государственного технического университета, оно непременно найдет благодарного читателя, причем, заметим, не только из числа профессиональных историков-казачковедов. И напоследок остается пожелать Руслану Геннадьевичу новых творческих удач и интересных научных произведений в рамках авторской траектории исследовательского поиска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Тикуджьян Р.Г.* Донское казачество и крестьянство на переломе исторических эпох: между имперской и советской социалистической модернизацией (1855–1939). Ростов н/Д.: ДГТУ, 2024. 334 с.
2. Социально-исторический портрет дельты Дона: казачий хутор Донской / Г.Г. Матишов и др.; РАН, ЮНЦ РАН, Ин-т социально-экономических и гуманитарных исследований. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 215 с.
3. *Эйзенштадт Ш.Н.* Множественность модернизмов в век глобализации // Глобализация: Контуры XXI века: реф. сб. / РАН; ИНИОН; Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем; Отдел Восточной Европы; отв. ред. П.В. Малиновский. М., 2002. Ч. 1. С. 136–145.
4. *Эйзенштадт Ш.Н.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. А.В. Гордона; под ред. Б.С. Ерасова. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.
5. *Арефин С.Я.* Донское казачество прежде и теперь: Краткая история донских казаков. М.: тип. Сокол, 1907. 64 с.
6. *Марченко Г.В.* Дорогой чести: Генерал Каледина: военная и государственная деятельность А.М. Каледина (1889–1918 гг.). М.: Ин-т этнологии и антропологии имени Миклухо-Маклая, 1996. 280 с.
7. *Родионов В.Г.* Тихий Дон атамана Каледина. М.: Алгоритм, 2007. 288 с.
8. *Кислицын С.А.* О полемике в печати о роли казачества в революции и гражданской войне // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. 1989. № 3. С. 126–132.
9. *Перехов Я.А.* Расказачивание: некоторые проблемы историографии // Российское казачество: проблемы истории и современность (к 310-й годовщине Кубанского казачьего войска): материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Тимашевск, 2–5 октября 2006 г.). Краснодар: Традиция, 2006. С. 196–200.
10. *Панкова-Козочкина Т.В.* Казаки и крестьяне Юга России в 1920-х годах: социально-политическая жизнь и хозяйственно-экономическая деятельность: дис. ... д-ра ист. наук. Новочеркасск, 2016. 617 с.
11. *Токарева Н.А.* Крестьянство и власть 1928–1929 гг. Взаимоотношения крестьянского населения и органов власти на Дону в условиях первого этапа коллективизации. Шахты: ЮРГУЭС, 2009. 122 с.
12. *Бугай Н.Ф.* Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917–90-е годы). М.: Терра, 2000. 88 с.
13. *Багдасарян С.Д., Скорик А.П.* Крестьянская повседневность эпохи нэпа: досуг и повседневность в южно-российской деревне в 1920-е годы / Юж.-Рос. гос. политехн. ун-т (НПИ). Новочеркасск: Лик, 2012. 239 с.
14. *Багдасарян С.Д.* Быт, труд и семья крестьян эпохи нэпа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы: монография / отв. ред. А.П. Скорик / Юж.-Рос. гос. политехн. ун-т (НПИ) им. М.И. Платова. Новочеркасск: Лик, 2015. 312 с.
15. *Багдасарян С.Д.* Сельская повседневность на Юге России в эпоху нэпа: устойчивость традиций и противоречия преобразований: дис. ... д-ра ист. наук. Новочеркасск, 2017. 869 с.
16. *Бондарев В.А.* Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. 560 с.
17. *Бондарев В.А.* Российское крестьянство в условиях аграрных преобразований в конце 20 – начале 40-х годов XX века: на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев: дис. ... д-ра ист. наук. Новочеркасск, 2007. 789 с.
18. *Скорик А.П.* Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. 508 с.
19. *Скорик А.П.* Казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований: дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2009. 540 с.
20. *Баранов А.В.* Политическая активность и сознание казаков на Северном Кавказе // Казачий сборник. № 2. Ростов н/Д.: Изд-во ДЮИ, 2000. С. 154–173.
21. *Воскобойников Г.Л., Батырев В.Д.* Казачество и Советская власть (1924 – июнь 1941 гг.). М.: Альтекс, 2003. 194 с.

REFERENCES:

1. Tikidzh'yan R.G. *Donskoe kazachestvo i krest'yanstvo na perelome istoricheskikh epokh: mezhdru imperskoy i sovetskoy sotsialisticheskoy modernizatsiyey (1855–1939)*. [The Don Cossacks and the peasantry at the turning point of historical epochs: between Imperial and Soviet Socialist modernization (1855–1939)]. Rostov-on-Don, Don State Technical University, 2024. 334 p.
2. *Sotsial'no-istoricheskiy portret del'ty Dona: kazachiy khutor Donskoy* [Socio-historical portrait of the Don Delta: Donskoy Cossack farm] / G.G. Matishov [i dr.]; RAS, SSC RAS, Institute of Socio-Economic and Humanitarian Research. Rostov-on-Don, SSC RAS Publisher, 2012. 215 p.
3. Eyzenshtadt Sh.N. *Mnozhestvennost' modernizmov v vek globalizatsii // Globalizatsiya: Kontury XXI veka: Referativnyy sbornik* [The multiplicity of modernisms in the age of globalization // Globalization: Contours of the XXI century: Abstract collection] / Russian Academy of Sciences. Institute of Scientific Information on Social Sciences. Centre for Scientific and Information Research on Global and Regional Issues; Department of Eastern Europe; ed. P.V. Malinovskiy. Moscow, 2002. Part 1. P. 136–145.
4. Eyzenshtadt Sh.N. *Revolutsiya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izucheniye tsivilizatsiy* [Revolution and transformation of societies. Comparative Study of Civilizations] / Транс. A.V. Gordona; ed. B.S. Erasova. Moscow, Aspect Press, 1999. 416 p.
5. Arefin S.Ya. *Donskoe kazachestvo prezhde i teper': Kratkaya istoriya donskikh kazakov* [Don Cossacks before and now: A brief history of the Don Cossacks]. Moscow: Sokol Printing House, 1907. 64 p.
6. Marchenko G.V. *Dorogoy chesti: General Kaledin: voennaya i gosudarstvennaya deyatel'nost' A.M. Kaledina (1889–1918 gg.)* [Dear honor: General Kaledin: military and state activities of A.M. Kaledin (1889–1918)]. Moscow, Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, 1996. 280 p.
7. Rodionov V.G. *Tikhyy Don atamana Kaledina* [The quiet Don of Ataman Kaledin]. Moscow, Algorithm, 2007. 288 p.
8. Kislitsyn S.A. *O polemike v pechati o roli kazachestva v revolyutsii i grazhdanskoy voyne* [On the controversy in the press about the role of the Cossacks in the revolution and the civil war]. *Izvestiya Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vyshey shkoly. Obshchestvennyye nauki* [News of the North Caucasian Scientific Centre of the Higher School. Social sciences.]. 1989. No. 3. P. 126–132.
9. Perekhov Ya.A. *Raskazachivanie: nekotorye problemy istoriografii* [Raskazachivanie: some problems of historiography]. *Rossiyskoe kazachestvo: problemy istorii i sovremennost' (k 310-y godovshchine Kubanskogo kazach'ego voyska): materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Timashevsk, 2–5 oktyabrya 2006 g.)* [Russian Cossacks: Problems of history and modernity (dedicated to the 310th anniversary of the Kuban Cossack Army): materials of the All-Russian Scientific and Practical conference (Timashevsk, October 2–5, 2006)]. Krasnodar, Tradition, 2006. P. 196–200.
10. Pankova-Kozochkina T.V. *Kazaki i krest'yane Yuga Rossii v 1920-kh godakh: sotsial'no-politicheskaya zhizn' i khozyaystvenno-ekonomicheskaya deyatel'nost'* [Cossacks and peasants of Southern Russia in the 1920s: socio-political life and economic activity]: 07.00.02. *Doctor's thesis*. Novocherkassk, 2016. 617 p.
11. Tokareva N.A. *Krest'yanstvo i vlast' 1928–1929 gg. Vzaimootnosheniya krest'yanskogo naseleniya i organov vlasti na Donu v usloviyakh pervogo etapa kollektivizatsii* [The peasantry and power 1928–1929 The relationship between the peasant population and the authorities on the Don in the conditions of the first stage of collectivization]. Shakhty, South Russian State University of Economics and Service, 2009. 122 p.
12. Bugay N.F. *Kazachestvo Rossii: ottozheniye, priznanie, vrozozhdeniye (1917–90-e gody)* [The Cossacks of Russia: rejection, recognition, and rebirth (1917–90s)]. Moscow, Terra Publiser, 2000. 88 p.
13. Bagdasaryan S.D., Skorik A.P. *Krest'yanskaya povsednevnost' epokhi nepa: dosug i povsednevnost' v yuzhno-rossiyskoy derevne v 1920-e gody* [Peasant Daily life of the NEP Era: Leisure and Daily Life in the South Russian Countryside in the 1920s]; South Russian State Technical University (NPI). Novocherkassk, Lik, 2012. 239 p.
14. Bagdasaryan S.D. *Byt, trud i sem'ya krest'yan epokhi nepa: istoricheskaya povsednevnost' yuzhno-rossiyskoy derevni v 1920-e gody: monografiya* [The life, labor and family of peasants of the NEP era: the historical everyday life of a South Russian village in the 1920s: a monograph] / ed. A.P. Skorik; South Russian State Polytechnic University (NPI) named after M.I. Platov. Novocherkassk, Lik, 2015. 312 p.
15. Bagdasaryan S.D. *Sel'skaya povsednevnost' na Yuge Rossii v epokhu nepa: ustoychivost' traditsiy i protivorechiya preobrazovaniy* [Rural daily life in the South of Russia in the era of NEP: the stability of traditions and the contradictions of transformations]: 07.00.02. *Doctor's (Historical Sciences) thesis*. Novocherkassk, 2017. 869 p.
16. Bondarev V.A. *Fragmentarnaya modernizatsiya postoktyabr'skoy derevni: istoriya preobrazovaniy v sel'skom khozyaystve i evolyutsiya krest'yanstva v kontse 20-kh – nachale 50-kh godov XX veka na primere zernovykh rayonov Dona, Kubani i Stavropol'ya* [Fragmentary modernization of the post-October village: the history of transformations in agriculture and the evolution of the peasantry in the late 20s – early 50s of the twentieth century on the example

of the grain regions of the Don, Kuban and Stavropol]. Rostov-on-Don: Publishing House of the North Caucasian Scientific Centre of Higher Education, 2005. 560 p.

17. Bondarev V.A. *Rossiyskoe krest'yanstvo v usloviyakh agrarnykh preobrazovaniy v kontse 20 – nachale 40-kh godov XX veka: na materialakh Rostovskoy oblasti, Krasnodarskogo i Stavropol'skogo kraev* [The Russian peasantry in the conditions of agrarian transformations in the late 20s and early 40s of the XX century: based on the materials of the Rostov region, Krasnodar and Stavropol territories]: 07.00.02. Doctor's (Historical Sciences) thesis. Novocheerkassk, 2007. 789 p.

18. Skorik A.P. *Kazachiy Yug Rossii v 1930-e gody: grani istoricheskikh sudeb sotsial'noy obshchnosti* [The Cossack South of Russia in the 1930s: the facets of the historical destinies of a social community]. Rostov-on-Don, Publishing House of the North Caucasian Scientific Centre of the Higher School of the Southern Federal University, 2009. 508 p.

19. Skorik A.P. *Kazachestvo Yuga Rossii v 30-e gody XX veka: istoricheskie kollizii i opyt preobrazovaniy* [The Cossacks of Southern Russia in the 30s of the twentieth century: historical collisions and the experience of transformation]: 07.00.02. Doctor's (Historical Sciences) thesis. Stavropol, 2009. 540 p.

20. Baranov A.V. Politicheskaya aktivnost' i soznanie kazakov na Severnom Kavkaze [Political activity and consciousness of the Cossacks in the North Caucasus]. *Kazachiy sbornik*. [Cossack collection]. No. 2. Rostov-on-Don, Publishing House of the Don Law Institute, 2000. P. 154–173.

21. Voskoboynikov G.L., Batyrev V.D. *Kazachestvo i Sovetskaya vlast' (1924 – iyun' 1941 gg.)* [The Cossacks and Soviet power (1924 – June 1941)]. Moscow, Altex, 2003. 194 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СКОРИК Александр Павлович – доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, Новочеркасск, Российская Федерация.

SKORIK Alexander Pavlovich – Doctor of Historical Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University, Novocheerkassk, Russian Federation.

E-mail: s_a_p@mail.ru

© А.П. Скорик, 2025.

Дата поступления в редакцию: 20.02.2025.

Дата принятия статьи: 25.03.2025.